

М-18

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

МАЛИНИНА Елизавета Евгеньевна

УДК 882(09)+956(09)

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА И.С.ТУРГЕНЕВА В ЯПОНИИ

Специальность 10.01.06. - Литература народов стран
зарубежной Азии и Африки

Специальность 10.01.01. - Русская литература

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва - 1989

Работы выполнена в Новосибирском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. Ленинского Комсомола.

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор В.Г.Одинок

Официальные оппоненты — доктор филологических наук
Ким Ле Чун

кандидат филологических наук
Л.Л.Громковская

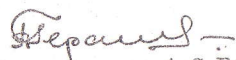
Ведущее учреждение — Ленинградский государственный университет

Защита состоится "10" мая 1989 г. на заседании специализированного совета Д.003.01.04 по филологическим наукам Института востоковедения АН СССР по адресу: г.Москва, ул. Рождественка, 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения АН СССР.

Автореферат разослан "28" марта 1989 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
по филологическим наукам
Института востоковедения
АН СССР
кандидат филологических наук

А.С.Герасимова

Институт востоковедения АН СССР, 1989 г.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Выбор и актуальность темы. Значение творчества И.С.Тургенева в духовной жизни Японии того периода, который лежит между последними десятилетиями XIX и началом XX века, настолько велико и бесспорно, что позволяет самим японцам утверждать: "Если говорить о влиянии на нас русской литературы, то эпоха Мэйдзи со всем правом может считаться эпохой Тургенева"^I. Именно Тургеневу, чьи произведения Фабатэй Симэй избрал для перевода на японский язык, принадлежала высочайшая миссия открыть японцам "блистательное существование русской литературы", положить начало длительному и трудному процессу переосмысления самих задач и возможностей литературного творчества.

А между тем, в советском литературоведении практически отсутствуют исследования, дающие реальное представление о глубине и своеобразии воздействия Тургенева на японскую литературу, проникающие во внутренний смысл того явления, которое получило у японцев название "бума Тургенева", "эпохи Тургенева" в их стране. Более того, совершенно очевиден факт несоответствия между важностью и серьезностью роли русского писателя в истории национальной литературы Японии и незначительностью — в сравнении с ней — внимания к этой проблеме советских исследователей.

В реферруемой диссертации рассматриваются восприятие и функционирование творчества Тургенева в Японии. Разработка этих вопросов сопрягается с изучением взаимосвязей и взаимодействия литератур Востока и Запада, а также типологии культур, актуальность и злободневность которых не оставляет сомнений в сегодняшнем литературоведении.

Цель и задачи исследования. Основная цель исследования состоит в том, чтобы дать по возможности более точное и глубокое представление о месте и значении художественного на-

^I Отани Фукаси. Переводы русской литературы в Японии. Цит. по: Амия Нобукадзу "Влияние Тургенева на Доппо". — В ж. "Исследования по русской литературе", № 31, 1967, с.20.

следия И.С.Тургенева в Японии. В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи: вычленение отдельных структурно-художественных "уровней" в творческой системе писателя и в этом аспекте исследование проблемы функционирования произведения Тургенева в Японии; определение причин и условий, благодаря которым сочинения русского писателя на рубеже XIX-XX веков обрели в Японии широкую популярность; проведение сопоставительного анализа двух художников слова; Тургенева и Кавабаты Ясунари, дающего возможность продемонстрировать близость эстетических воззрений Тургенева японской художественной традиции; освещения проблемы воздействия тургеневского наследия на японских писателей конца XIX - начала XX века с позиции советского и японского литературоведения.

Научная новизна. Впервые в советском литературоведении восприятие и функционирование творчества Тургенева в Японии, воздействие его сочинений на японскую словесность изучаются комплексно, с учетом многообразных связей как контактных, так и типологических. В работе предпринимается попытка найти объяснение факту необыкновенной творческой продуктивности сочинений русского автора в Японии, определить, какие стороны творческой системы Тургенева оказались в центре внимания японских читателей (в широком смысле этого слова).

Кроме того, творчество Тургенева типологически соотносится с японской художественной традицией, воплощенной во многих своих чертах в творчестве современного японского писателя Кавабата Ясунари, что, в свою очередь, раскрывает причину быстрого проникновения сочинений Тургенева в духовную жизнь японцев.

Введение в литературоведческий оборот японских источников, определение места и значения тургеневского наследия в судьбе японских писателей с позиций японского литературоведения также обуславливают научную новизну диссертации.

Методология и методика исследования. Методологическую и теоретическую основу диссертации составили произведения классиков марксизма-ленинизма и труды ведущих советских ученых, разрабатывающих сравнительно-исторические и историко-

функциональные методы литературоведческого анализа. Автор основывался также на достижениях советских востоковедов, занимающихся вопросами русско-японских литературных связей.

Источники. Основными источниками при написании диссертации послужили труды японских литературоведов, обращенных к проблеме влияния Тургенева на японскую словесность, работы советских и зарубежных исследователей японской литературы, а также подлинники произведений японских писателей рубежа веков, чьи имена связаны с предметом исследования автора диссертации.

Практическая значимость работы состоит в том, что сделанные в результате исследования оценки и выводы могут представлять интерес для литературоведов, культурологов, искусствоведов, изучающих различные аспекты литературных взаимодействий и взаимосвязей. Теоретические положения диссертации, а также содержащийся в ней фактический материал могут привлечь внимание специалистов по русской литературе, тургеневедов. Положения диссертации могут быть использованы при составлении лекций и спецкурсов как по истории японской литературы, так и по истории русской литературы.

Состояние научной разработки темы. О стремлении вписать творчество Тургенева в контекст мировой, общечеловеческой культуры и литературы, углубить на примере тургеневского художественного наследия представление о мировом значении русской классики вообще свидетельствует обилие выступлений на большую юбилейную тему "Тургенев и мировая литература", предложенную на IX международном съезде славистов в 1983 году. Заметным вкладом в раскрытие проблемы мировых связей русского художника слова стал коллективный труд "Тургенев в современном мире", выпущенный ИМЛИ в 1987 году, где рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с изучением, восприятием и современной интерпретацией сочинений Тургенева на русской почве и за рубежом.

В числе работ советских литературоведов, положивших начало многостороннему изучению литературных связей России и Японии конца XIX - начала XX веков, следует в первую очередь назвать многочисленные исследования Н.И.Конрада, статью

Р.Г.Карпиной "Творческие связи Хасягава Фтабатэя с русской литературой", книгу Т.Н.Григорьевой "Одинокий странник". Тургеневская тема, затронута в этих работах в широком аспекте литературного взаимодействия и не является предметом самостоятельного рассмотрения, тем не менее здесь важен сам методологический принцип разрешения проблемы.

Ценный в методологическом отношении материал дают многие работы К.Рехо, которые на примере творчества Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова раскрывают механизм проникновения русской литературы в Японию, способствуют выяснению роли этих писателей в судьбе зарождающегося японского реализма.

Бесыма примечательным является факт появления в последние десятилетия многочисленных коллективных трудов советских литературоведов, изучающих судьбу русской классики в странах Востока, исследующих различные аспекты проблемы взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, влияния русской словесности на мировой литературный процесс. (Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979, Русская классика в странах Востока. М., 1982, Взаимодействие культур Востока и Запада. М., 1987).

К числу работ, непосредственно относящихся к проблеме связей Тургенева и японской литературы, следует причислить статьи А.А.Холодович, П.Г.Пустовойта, носящие в основном обзорно-информативный характер, вскрывающие факты широкой распространённости сочинений русского писателя в Японии, предлагающие обзор литературоведческих работ японских исследователей о Тургеневе.

Особого внимания заслуживает статья К.Рехо "Тургенев и японская литература" (В кн.: "Тургенев в современном мире". М., 1987), интересная новыми литературоведческими открытиями, отмеченная стремлением проникнуть в тайну необыкновенной популярности тургеневских произведений в Японии.

К исследованию переводческой деятельности Фтабатэя Симэя на примере сочинений Тургенева обращена кандидатская диссертация Т.Н.Цоктоевой "Фтабатэи Симэй - переводчик русской литературы" (Л., 1983). О нарастании в советском литературове-

дении интереса к проблеме типологической соотнесённости русской и японской словесностей свидетельствует, например, статья Л.Л.Громковской "Ранние переводы из русской классики в Японии", в которой автор на примере тургеневского рассказа "Три встречи", выбранного Фтабатэем для перевода на японский язык, доказывает возможность соотнесения художественной структуры этого произведения с основными положениями традиционной японской эстетики.

В круг исследований японских авторов, привлечённых нами к изучению интересующей нас проблемы, входят работы, созданные за последние 3 десятилетия, характеризующие как современное состояние тургеноведения в Японии, так и обращённые к более узкой проблеме литературных связей русского художника слова с японскими писателями.

С середины 50-х годов в японском литературоведении одна за другой появляются работы, отмеченные стремлением определить место, значение творчества Тургенева для японской словесности рубежа веков, осмыслить его роль в судьбе отдельных японских писателей указанного периода. К работам такого рода следует отнести в первую очередь ряд статей по сравнительному литературоведению, созданных в 1955 г. Нобори Сему. Главное внимание в своем исследовании Нобори Сему уделяет особенностям восприятия японским читателем конца XIX века первых тургеневских рассказов в переводе Фтабатэя Симэя, тому колоссальному впечатлению, которое произвели они на молодых литераторов эпохи Мэйдзи. Первые переводы тургеневских сочинений в блестящем исполнении Фтабатэя привлекли к себе другого известного критика, Кимура Сеити, опубликовавшего в 1956г. большую статью на эту тему в журнале "Бунгаку".

Статья "Тургенев и японская литература" Сакасабара Ёсибуми, вышедшая в журнале "Кокубунгаку" в 1961 г., имеет своей целью нарисовать картину многогранного воздействия сочинений русского писателя на японскую словесность, определить его роль в судьбе важнейших представителей литературного мира той поры: Фтабатэя Симэя, Огури Фуюе, Исикава Такубоку и других.

Утверждая мысль о широте русско-японских контактов кон-

на XIX — начала XX веков, японские литературоведы очень часто оперируют материалом сочинений Куникада Доппо, предоставляющим наиболее богатые возможности удостовериться в том, насколько глубоко и всесторонне оказалось воздействие Тургенева на молодого автора. Этой проблеме посвящена, например, статья Сиода Рёхэй "Влияние Тургенева на Куникада Доппо", где в числе важнейших духовных источников, формировавших писательское сознание Доппо, особое внимание уделено Тургеневу. Творчество Доппо на протяжении уже почти двух десятков лет является предметом изучения другого японского критика Асия Нобукадзу. Интересны в этом отношении две его статьи с одним названием "Влияние Тургенева на Куникада Доппо", написанные в 1967 и 1974 годах и отражающие разную степень постижения этой проблемы японским литературоведом. Названные статьи Асия Нобукадзу легли в основу вышедшей в 1982 г. монографии "Куникада Доппо" (Осака, 1982 г.), демонстрирующей устойчивость научного интереса японского литературоведа к проблеме творчества Доппо в аспекте его литературных связей.

Большую ценность для работы над диссертацией приобрели многочисленные статьи Ясуда Ясуо, автора большого двухтомного труда по сравнительному литературоведению. В состав сборника вошел целый цикл работ, в которых японский исследователь пытается проследить разные этапы воздействия Тургенева на японскую словесность, намечает своеобразные хронологические этапы этого воздействия. Юбилейный выпуск журнала "Маддо" (1983 г.), посвященный 100-летию со дня смерти русского писателя большей частью посвящен Тургеневу, его связям с японской словесностью, различным аспектам его творчества. Статьи Кавабата Каори, Сато Сэйро, Хоккё Кадзухико и ряда других исследователей, опубликованные в журнале, принесли определенную пользу в процессе работы над диссертацией.

Среди работ монографического плана, о Тургеневе, вышедших в Японии в последние десятилетия, следует назвать книгу известного исследователя русской литературы Канэко Юкихико "Русский роман" (Токио, 1975), фундаментальный труд Сато Сэйро "Жизнь Тургенева" (Токио, 1977), дающего наиболее полное представление об основных этапах творческой деятельности

Тургенева, раскрывающего особенности его эстетической системы, и, наконец, монографию "Тургенев. Жизнь и творчество" (Токио, 1980), автор которой Огура Кимито почти целиком полагается на материал работ советских исследователей творчества Тургенева.

Апробация работы. Основные положения диссертации апробированы на XX и XIV Всесоюзных научных студенческих конференциях "Студент и научно-технический прогресс" (Новосибирск, 1982, 1986), XXXIV Всесоюзной научной конференции ФилФ ТГУ (Томск, 1982), XII научной конференции "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока" (Москва, 1986). Текст диссертации был обсужден на заседании сектора литератур Дальнего Востока Индокитайского п-ва ИВ АН СССР (7 декабря 1988 г.).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 6 статей в советских научных изданиях.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии на русском, английском, и японских языках. Построение работы обусловлено целью и задачами исследования. Диссертация изложена на 189 страницах машинописного текста. Указатель литературы включает 167 отечественных и 24 зарубежных источников.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы исследования, определяются цели и задачи диссертационной работы, раскрывается ее научная новизна и практическая значимость.

Первая глава посвящена обзору источников и использованной литературы.

Вторая глава. "Лишний человек" в японской литературе.

Из всего многообразия человеческих типов, воплощенных на страницах тургеневских произведений, восприятию японского читателя оказался доступным в первую очередь тот, в ком они начинали узнавать себя, кому находили подтверждение в собственной действительности, кто оказался близок их собственным жизненным проблемам. Таким "типом" оказался в первую очередь

"лишний" или "слабый", по терминологии Тургенева, человек, портрет которого с исчерпывающей полнотой создал в своих сочинениях русский писатель. О том, насколько притягательным оказался этот образ в Японии, насколько он овладел вниманием молодых писателей, свидетельствует творчество самых видных представителей передовой японской литературы конца XIX — начала XX века: Фтабатея Симэя, Куникада Doppo, Мори Огай и других, делающих попытки повторить, осмыслить этот образ в собственных произведениях, объяснить появление человека такого типа условиями самой японской действительности.

Не только характер "лишнего человека" тургеневского типа, его социально-психологические качества оказались в центре внимания японских писателей, но что не менее важно, целый комплекс принадлежащих Тургеневу поэтических приемов, средств художественного воплощения этого типа был перенят японскими литераторами, вошел в их собственный арсенал художественных средств изображения этого образа.

Утверждая факт воздействия излюбленного Тургеневым образа на японских писателей, литературоведы Японии при этом обращают внимание на вопрос о своеобразии облика "лишнего человека" в его японской интерпретации. А между тем, последний в значительной мере лишен той многогранности, той глубины драматических противоречий, которые отличают его в русской литературе, в частности, в творчестве Тургенева. Богатство и широта спектра социально-психологических качеств, которыми наделен "лишний человек" в творчестве Тургенева, не нашли своего полного отражения в его японском варианте. Японцы остановили свое внимание главным образом на одной из многих сторон в трактовке облика "лишнего человека", спрятав на задний план критическую настроенность мышления героя по отношению к действительности, приглушив богатство внутреннего мира и яркость натуры, сделав зато акцент на безволии, склонности к примирению героя с судьбой.

Третья глава. "Некоторые аспекты влияния "Записок охотника" на японскую литературу. "Записки охотника", поразившие японских читателей яркостью созданных в них образов, глубиной проникновения в душу простого человека, крестьянина, 38

смелостью критических интонаций, разными сторонами своей художественной структуры воздействовали на японских писателей, заражали силой своего реализма.

Уже перевод Фтабатеем "Свидания", положившего начало знакомству с русской классикой, открыл японцам возможность иного мироощущения, иного восприятия природы, перевернул их представления о возможностях самого литературного творчества.

Сила воздействия некоторых тургеневских образов из "Записок охотника" была такова, что побуждала японских писателей к исследованию подобных же человеческих типов в собственном творчестве, рождала желание осмыслить их в контексте современной действительности, выверить мерой японской жизни. Характеры, подсказанные Тургеневым, трансформируясь в сознании японских интерпретаторов, подчас обретали в их сочинениях новую жизнь, изменяя под их пером свой облик почти до неузнаваемости. Образ отрывался от своих корней, продолжал дальнейшее существование самостоятельно, наполняясь реалиями национальной жизни, целиком подчиняясь фантазии японского автора, особенностям его мировоззрения, жизненному опыту, наконец, материалу самой действительности.

Особое, например, внимание, из числа тургеневских персонажей в "Записках охотника" привлек к себе тип человека, наделенного характером гордым, заносчивым, нелюдимым, бросающего неординарностью своих поступков своеобразный вызов принятым в обществе нормам поведения. Герой такого типа в рассказах Тургенева нашел многоликое воплощение в японской словесности рассматриваемого периода, стал своеобразным "литературным эталоном" для ряда персонажей японской литературы.

У японского исследователя Ясуда Ясуо не вызывают сомнения, например, истоки возникновения замысла повести Таяма Катай "Конец Дзюэмона" (1902), вошедшей в историю японской словесности как типичный образец натуралистической литературы. Повесть создана, по мнению критика, под непосредственным впечатлением двух тургеневских сочинений: "Конец Чертопханова" из "Записок охотника" и "Андрея Голосова", объединенных в сознании японского писателя характером героев, "исключи-

тельностью", "необыкновенностью" поведения каждого из них.

Образ гордого отщепенца, его бунтарский, озлобленный нрав оказался притягательным не для одного только Катая. Своеобразное развитие этого характера, но на ином, реалистическом уровне восприятия действительности, нашло отражение в одном из лучших произведений Арисима Такэо "Потомок Каина" (1917). В отличие от повести Катая, где нрав Дзюэмона, главные мотивы его безрассудных поступков оказались следствием дурного воздействия "среды", неприязненного отношения к нему односельчан, рассказ Арисима Такэо силен как раз пафосом социального обличения, критической настроенностью автора по отношению к действительности.

Образцом для подражания стала, наконец, сама композиция "Записок охотника", предполагающая немалую долю экспромтности, эскизности в подаче материала, привлекающая японских писателей непринужденностью тона, возможностью передать в них свои непосредственные впечатления, свободно излагать то, что "видишь и слышишь".

Четвертая глава. Судьба литературного наследия Тургенева в духовной культуре Японии.

Функционирование любого произведения, как и всего творчества писателя в атмосфере иноязычной культуры предполагает естественную неоднозначность его восприятия в этой среде, неодинаковую степень заинтересованности, проявленную к нему иностранными читателями с течением времени, что зависит, в свою очередь, от постоянно меняющихся эстетических потребностей общества.

Наиболее яркий и интересный период в судьбе тургеневского наследия в Японии приходится, как известно, на тот относительно недолгий отрезок времени, который лежит между последними десятилетиями XIX и началом XX века. Сила признания и широта распространения сочинений русского писателя оказалась столь велика, что позволила самим японцам назвать этот период "эпохой Тургенева" в Японии. Размышлениям о том, что вызвал был неожиданный и острый интерес японского читателя конца века к Тургеневу, и что, с другой стороны, заставило того же самого читателя уже через два десятилетия сменить свои

симпатии и обратиться к иным источникам утоления своих духовных запросов, посвящена данная глава нашего исследования.

В пояснении причин особого внимания японцев к русской классике, в частности, творчеству Тургенева, определенную роль играет характер самой эпохи Мейдзи, общественная и литературная атмосфера страны в этот период. Ясное осознание молодыми людьми этого времени поворотного момента в судьбе их страны, жажда поиска, эксперимента, острая потребность в обновлении всей социальной и духовной жизни привела японцев к русскому классическому роману XIX века, содержащему в себе, по словам Д.Д.Благого, "великие надежды, великие идеи, великие мысли о будущем ...".

Замечим, при этом, что из всего богатства русской классической литературы имя Тургенева в первое время оказалось наиболее притягательным для японского читателя не только благодаря новому для японского сознания ракурсу в восприятии действительности, необычности стиля и языка, остроте социальной проблематики, активности писательской позиции, реагирующей на самые болезненные проблемы современности.

Необходимо, кроме того, подчеркнуть и другой аспект в восприятии тургеневских сочинений в Японии: часто японские писатели и критики рубежа веков и настоящего времени констатируют факт определенной созвучности поэтического мира Тургенева, его эстетических представлений мировосприятию восточного человека.

Сознаваемая японцами духовная близость к русскому писателю, чья творческая манера, сама поэтика произведений отвечали художественному и эстетическому вкусу японцев, способствовали возникновению того особого чувства доверия к Тургеневу, которое, в свою очередь, облегчало восприятие его сочинений в Японии, вело к самому широкому и интенсивному распространению их в этой стране.

Проявить особую заинтересованность сочинениями Тургенева, проникнуться чувством доверия к имени русского писателя помогло, на наш взгляд, и наличие в его творчестве того романтического пафоса, своеобразного синтеза романтических и реалистических тенденций, которые являются одновременно отличительной

особенности творчества молодых литераторов эпохи Мэйдзи: Куникада Doppo, Талма Катай, Симадзаки Тосон и других. Именно "романтизм молодого поколения эпохи Мэйдзи"¹, по мысли японского литературоведа Сато Сэйро, остановил в 80-90 годы XIX века свой выбор на произведениях Тургенева. "Романтическая озаренность", присущая последним, стремление русского писателя соединить социально-исторический лик российской действительности с общечеловеческими ценностями, стремление вписать конкретно-историческое, преходящее, представляющее сиюминутный интерес в общечеловеческую логику - логику беспредельного развития - чрезвычайно импонировало японским писателям.

Особое внимание в главе обращено на то, в чем конкретно проявляются те романтические черты в творчестве Тургенева, которые оказались близки японцам конца XIX столетия, отвечали их мироощущению.

Однако если романтическая настроенность первых японских писателей-реалистов была обусловлена особенностями сложившейся в стране общественной ситуации, то в отношении русского писателя мы можем говорить только об индивидуальных свойствах его творческой манеры, неповторимых чертах его собственного мировосприятия, сыгравших определенную положительную роль в процессе распространения тургеневских сочинений в Японии.

Пятая глава. Тургенев и Кавабата Ясунари (опыт типологического сопоставления). Проводимое в данной главе сопоставление И.С.Тургенева и Кавабата Ясунари призвано раскрыть то художественное сходство, ту близость поэтики и эстетических представлений, ту переключку идей, мотивов, образов, похожесть многих подходов к изображению природы и человека, которые обнаруживаются в творчестве русского и японского писателей объективно, независимо от фактора литературного влияния.

При этом в данном случае особенно важен и "сугубо национальный" характер каждого из художников, воплощающих в значительной степени дух той народности, к которой принадлежат.

Самобытное понимание прекрасного, специфика художественного видения мира японским писателем своими корнями уходит к

¹ Сато Сэйро. Жизнь Тургенева. Токио, 1977, с.263.

истокам древней национальной культуры, эстетические законы которой демонстрируют свою устойчивость во времени во много раз успешнее, чем это свойственно западной культуре. Время вносит определенного рода коррективы, поправки в них, но внутренние, исходные принципы художественного осмысления действительности во многом сохраняют свой изначальный характер. Поэтому говорить об особенностях творчества Кавабата, о свойственном ему эстетическом видении мира - значит раскрывать одновременно и специфику тех законов японского искусства, формирование которых приходится на "классический" период в развитии Японии - эпоху Хэйан (IX-XII века).

Обращение в первую очередь к понятию "ёдзэ", подразумевающее наличие в художественном произведении намека, недосказанности, тайны, обусловлено уверенностью в том, что именно здесь поиски "созвучного" окажутся наиболее плодотворными. Японского и русского писателей роднит та присущая им обоим особенность психологического изображения, которая делает акцент на внутреннем значении каждого жеста, на углубленное восприятие текста читателем. Сближает Тургенева и Кавабата некоторая "эскизность", "контурность" их манеры, пронизанность произведений обоих писателей ощущением "неясности", "неопределенности", "незавершенности", тяга к афористичности, емкости слога, лаконичности письма.

Присущие Тургеневу обостренное ощущение прекрасного, способность "проникать в душу каждой вещи, одухотворять каждый предмет"¹, подчеркивать неповторимость лобой, самой неприметной, будничной детали жизни, созерцательность и углубленность в восприятии действительности, умение сосредоточиться на одном, малом - все это нестделимо от творческой манеры самого Кавабаты и, скажем больше, нашло отражение в законах традиционной японской эстетики.

Думается, что при всей многоплановости восприятия тургеневских произведений японским читателем, именно эта особенность таланта русского автора - его "умение облекать высокой поэзией простейшие факты жизни"² - является наиболее притя-

¹ Сато Сэйро. Жизнь Тургенева; Токио, 1977, с.5.

² Джеймс Г. Иван Тургенев. - В кн.: Женский портрет. М.,

гательной для японцев; в сочинениях Тургенева их привлекает прежде всего пафос красоты. Однако важно подчеркнуть не просто повышенное эстетическое чувство, которое отличает русского писателя. Важно другое: глубокое, гармоничное слияние нравственного и эстетического начал в творчестве писателя, неразделимость в его сознании добра и красоты, умение видеть в прекрасном эквивалент всех нравственных ценностей. ("Правда, любовь, счастье — все соединяется в Красоте", — заявил он). А это является, в свою очередь традиционным для понимания прекрасного в японской эстетике, для которой Красота неотъемлема от Истины, от положительных начал в жизни человека. "Японцы понимали Красоту "недуально": красота и есть добро ... Красота нравственна, иначе она не стала бы законом искусства, его движущей силой"¹.

Этому же глубокому чувству прекрасного, пониманию Красоты как высокой нравственной силы, приобщение к которой облагораживает душу человека, делает ее сильнее, выше, милосердней, был верен и Кавабата, осознававший эту Красоту как вселенскую суть, как начало, лежащее в основе мира, способное объединить собою все живое.

Поиски "созвучного" обнаруживают свою плодотворность в отношении еще одного принципа японской эстетики, выраженного в понятии "саби" (букв.: "печаль одиночества"). В данной главе предпринимается попытка собственной интерпретации этой категории традиционной эстетики, отличающейся чрезвычайной емкостью своего содержания, богатством скрытых в ней оттенков.

Каждый из больших поэтов, художников Японии это понятие воспринималось еще и очень лично, каждый из них вкладывал в "саби" свое понимание, обогащая его новыми нюансами, осмысляя его в контексте своего времени.

"Саби" — это не столько художественный прием, выраженный лексически, сколько сама атмосфера, настроение рассказа, воздух, его наполняющий, то чувство неуловимой печали, которому нет внешнего выражения, но которое проявляется исподволь, в

Продолжение сноски 2. 1931, с. 527.

¹ Григорьева Л. П. Японская художественная традиция. М., 1979, с. 246.

результате углубленного проникновения в художественную стихию рассказа. "Саби" (лексически оно восходит к словам "сабиси" — одинокий, "сабисиса" — одиночество), думается, рождено благодаря склонности японцев находить особую прелесть и очарование в одиночестве, умения опозитивизировать грусть оставшегося наедине с собой человека, способности предаваться настроению созерцательности и отрешенности от суетности.

При всей многогранности содержания этого понятия японской эстетики, вошедшего в самые недра художественного сознания Кавабаты, он во многом сопоставим, на наш взгляд, с теми мотивами и настроениями, которые мы находим в тургеневских сочинениях.

Сравнительный анализ произведений Тургенева и Кавабаты позволяет обнаружить много общего и в подходе обоих писателей к изображению природы, в ее восприятии, осмыслении, роли, отводимой ей в структуре повествования. Не ограничиваясь констатацией сходных моментов в описаниях природы мы стремимся пояснить также принципиальную разницу в восприятии природы Тургеневым и Кавабатой, ту разницу, которая исходит из недр национального характера каждого из художников слова.

Разумеется, нельзя искать прямых, буквальных совпадений в понимании прекрасного в сочинениях русского писателя и в японской эстетике, куда корнями уходит творчество Кавабаты, нельзя налагать его взгляды и позиции на эстетическую программу Тургенева. Возможность соотнесения художественных стихий обоих писателей обусловлена функционально-типологическими соответствиями.

В Заключении автор диссертационной работы размышляет над истоками мирового признания Тургенева, чьи произведения впервые заявили о "блистательном существовании русской литературы" читателям и на Западе и на Востоке. "Учителем" называют Тургенева величайшие писатели Франции (Флобер, Жорж Санд ...). "Учителем", своего рода духовным наставником оказался Тургенев и для многих литераторов Японии, чья писательская деятельность проходила в постоянном творческом общении с русским художником слова.

В Заключении диссертации подводятся также общие итоги,

определяется место и значение творческого наследия Тургенева в Японии, в судьбе отдельных японских писателей.

Время наибольшего воздействия творчества Тургенева на японскую словесность – последние десятилетия XIX – начало XX века – пришлось на очень яркий и интенсивный период в истории духовной культуры Японии. Основной приметой этого времени было ощущение японцами поворотного момента в судьбе их страны, острая потребность в обновлении всей социальной и духовной жизни общества. Имя Тургенева, чье творчество совпало с основным направлением духовных исканий японской интеллигенции, стало восприниматься неотрывно от важнейших процессов, происходящих в эти годы в Японии.

Творчество писателя рассматривается нами как определенное системное единство, различные элементы которого по разным причинам "проживают" в иноязычной среде неодинаковую по своей активности жизнь, с различной степенью интенсивности воспринимаются и усваиваются зарубежным читателем. Системный подход к творчеству писателя, нашедший применение в работе, позволяет вычлнить отдельные "уровни" в творческой системе Тургенева и в этом аспекте исследовать интересующую нас проблему функционирования творчества Тургенева в Японии.

Изучение образа "лишнего человека" в японской литературе демонстрирует функционирование творческой системы русского писателя на ее высшем в нашем понимании уровне – уровне создания социально-психологического типа человека, ставшего центральной фигурой многих тургеневских сочинений.

Действенность системного подхода с особой силой выявляет себя в том, что и отдельное художественное произведение – в данном случае "Записки охотника" – дает возможность говорить о влиянии Тургенева и на уровне социального типа, и на уровне эстетических особенностей его сочинений.

Сопоставительный анализ двух самобытных художников слова – Тургенева и Кавабата Ясунари – позволил сделать вывод о существовании в творчестве обоих писателей целого мира сходных эстетических представлений, определенной близости в поэтике их произведений, многих общих подходов к изобра-

жению природы и человека. То большое внимание, которое уделено в работе типологическому аспекту, связано с убеждением, что именно здесь – в возможности типологической соотносительности эстетических принципов русского писателя и японской художественной традиции – нужно искать одну из причин творческой активности сочинений Тургенева в Японии.

Исследование отдельных поэтических особенностей и деталей в типологическом аспекте демонстрирует пример функционирования еще одного уровня творческой системы писателя.

Сознание непродолжительности периода творческой активности сочинений Тургенева в Японии не умаляет силы признания японскими литературоведами значения русского художника слова в судьбе японской словесности в целом. Оно восходит, по убеждению японских критиков, к тому значению, какое имел сам факт зарождения новой японской литературы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Влияние И.С.Тургенева на Куникида Doppo. – Материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции. Новосибирск, 1982, 0,25 а.л.
2. И.С.Тургенев и Мори Огай/К проблеме влияния русской литературы на японскую/. – Материалы XXIV Всесоюзной научной студенческой конференции. Новосибирск, 1986. – 0,25 а.л.
3. Проблема влияния И.С.Тургенева на японских писателей в современном литературоведении Японии. – Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы XII научной конференции. Москва, 1986. – 0,25 а.л.
4. Японское литературоведение о влиянии творчества И.С.Тургенева на японскую литературу. – Известия СО АН СССР. Новосибирск, 1987, – Вып. 2, № 10. – 0,5 а.л.
5. И.С.Тургенев и Кавабата Ясунари/Опыт типологического сопоставления/. – Проблемы Дальнего Востока/Сдана в печать/. – 1,5 а.л.
6. И.С.Тургенев и Кавабата Ясунари/Опыт типологического сопоставления/. – Сто лет русской классики в Японии./Сдана в печать/. – 1,5 а.л.